

УДК 811.511.131'34(470.342)

Л. Е. Кириллова, О. В. Титова

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ
КИЛЬМЕЗСКИХ УДМУРТОВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Дается описание фонетической системы неизученных говоров удмуртского языка, распространенных на территории Кильмезского р-на Кировской обл., в сопоставлении с другими диалектами и удмуртским литературным языком. Анализ проводится на материале, собранном авторами в ходе полевых исследований в 6 населенных пунктах данного диалектного ареала. В диалектном отношении бассейн Кильмези неоднороден. Рассматриваются характерные особенности говоров в области вокализма и консонантизма, отмечаются наиболее типичные звуковые явления и процессы. В ходе исследования выявлены случаи корреспонденции гласных, выпадения и вставки звуков, ассимиляции гласных и согласных, закономерности варьирования звуков, явления аффрикатизации и деаффрикатизации. Особое внимание уделено изучению особенностей в употреблении аффрикат, так как их дистрибуция в обследованных говорах очень неоднородна. Описываются некоторые специфические фонемы, не употребляющиеся в удмуртском литературном языке, и условия их функционирования. Наиболее существенные расхождения выявлены в области дистрибуции согласных. Анализ фактического материала показывает, что описываемые говоры сочетают в себе черты, характерные в большей степени для срединных, бесермянских, южных и периферийно-южных говоров удмуртского языка, что в определенной степени связано с историей заселения этой территории.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, фонетические особенности, вокализм, консонантизм, кильмезские говоры.

В статье рассматриваются говоры удмуртов, проживающих в Кильмезском р-не Кировской обл. Основными источниками исследования послужили материалы, собранные нами в следующих деревнях: Андрюшкино, Большой Гозек, Кульма, Малый Гозек, Паска, Салья. Отметим, что данные говоры еще не были объектом специального исследования. Не представлены они и на диалектологической карте удмуртского языка, составленной С. П. Жуйковым и изданной в 1935 г. [6], поскольку, как пишет И. Майшев в рецензии на эту работу, «карта охватывает не все районы распространения удмуртского языка, а только районы удмуртов, живущих в пределах УАССР» [12. С. 126]. В 1936 г. была

проведена лингвистическая экспедиция под руководством С. П. Жуйкова в различные районы проживания удмуртов [13]. Третий из четырех отрядов во главе со студентом Удмуртского пединститута М. Горбушиным собирал материалы в Вавожском, Селтинском р-нах Удмуртской АССР и Кильмезском р-не Кировской обл., но участники экспедиции охватили лишь дд. Кунжек и Егорово Кировской обл. Первые серьезные полевые исследования провели научные сотрудники Лаборатории лингвистического картографирования УдГУ по специальному вопроснику, предполагающему сбор лексического материала для подготовки «Диалектологического атласа удмуртского языка». В число опорных пунктов для сбора материала включены 5 из 6 рассматриваемых нами населенных пунктов. В опубликованном в 2009 г. «Диалектологическом атласе удмуртского языка» говор дд. Кульма и Салья назван кульминским, а дд. Паска, Малый Гозек и Большой Гозек – сямсинским [15. С. 41].

Характеристика деревень

Описываемые нами населенные пункты входят в Кильмезский р-н Кировской обл. (см. схематическую карту), расположенный в ее юго-восточной части. С севера он граничит с Немским, Унинским, с запада – с Уржумским, с юга – с Малмыжским р-нами Кировской обл., с востока – с Сямсинским р-ном УР.

Кильмезский р-н имеет свою интересную историю. По данным археологических раскопок, проведенных в 70-ых гг. XX в. Камско-Вятской археологической экспедицией УдГУ, выяснилось, что территория Кильмезского р-на – это одно из наиболее древних мест в России, освоенных человеком. Первые заселения там возникли уже в VII тыс. до н. э. Еще в эпоху мезолита (сер. VII тыс. до н. э.) здесь уже были долговременные поселения. Интенсивное заселение края произошло в период царствования Ивана Грозного, после покорения им Казанского ханства. Точная дата возникновения Кильмези неизвестна: село с таким названием в печатных источниках впервые упоминается лишь в 1667 г. По одной версии, основали ее марийцы, по другой – удмурты [7].

Большинство населенных мест данного региона возникло в XVII и XVIII вв. Вотские поселения основаны переселенцами-вотьяками из разных местностей Малмыжского уезда. Русские же поселения образованы частью беглыми раскольниками (выходцами из Керженских лесов, а также из Москвы), частью – беглыми помещичьими крестьянами, скрывавшимися в дремучих Рыбно-Ватажских лесах от преследования властей [16. С. 1].

В рассматриваемых нами деревнях проживают представители разных воршудно-родовых групп: в Андриюшкино – Салья, в Большом Гозеке – Шудья, в Кульме – Турья, в Малом Гозеке – Шудья, в Паске – Поска, в Салье – Салья.

Кратко охарактеризуем каждый из этих населенных пунктов.

Паска (ст. *Паска Старая*, удм. *поска*) расположена при речке Чемошур. Время возникновения и место, откуда переселились сюда, неизвестны. Но, по рассказам информанта Нины Матвеевны Беломорских (1956 г. р.), временем возникновения д. Паска считается 1781 г. Название селения восходит к удмуртскому воршудно-родовому имени *Поска*, т. е. ‘деревня, основанная представителями рода Поска’. Отсюда поскинцы переселились в басс. р. Иж и в Закамье [3. С. 653].

Большой Гозек (ст. *Гозек-Шудзи*, удм. *гоз'эг ~ баэ́эым гоз'эг*) – селение при речке Сюрзе. Названия образованы следующим образом: *Большой Гозек* < компоненты *Большой* и *баэ́эым* указывают на относительную величину деревни (ср. *Малый Гозек*), *Гозек ~ гоз'эг* – др.-удм. личное имя общепермского происхождения, возможно, основателя селения; *Гозек-Шудзи* < *Шудзи* от удм. воршудно-родового имени *Шудзя* (удм. *шуэ́эи*), т. е. ‘селение, основанное Гозеком из рода Шудзя’. Время основания и место, откуда переселились, неизвестны. По утверждению М. Г. Атаманова [З. С. 238], «деревня под названием *Гозек-Шудья* впервые упоминается в переписи 1710 г. в составе Арской дороги. Это очень древнее селение, расположенное в нижнем течении р. Кильмези. Отсюда переселились в Можгинский *Шудья-выл* (в пределах XIV–XV вв.), в Алнашский *Шудья-выл*, куда входит более 30 населенных пунктов Алнашского района и Сюмсинский *Шудья-выл* (5 населенных пунктов). Отсюда же ли переселились в Завьяловский *Шудья-выл* (16 населенных пунктов), нам это неизвестно».

Малый Гозек (ст. *Тыкты-Гозек*, удм. *тылогурт, пицигурт, пицигоз'эг*) – расположение при речке Тыкты отражено в названии *Тыкты-Гозек, Гозек* – др.-удм. личное имя. Другие названия восходят к удмуртским словам: *тылогурт* от *тыло* ‘расчищенный из-под леса участок земли’, *гурт* ‘деревня, селение’, т. е. ‘деревня, основанная на расчищенном из-под леса участке земли’; *пицигурт* – *пици* ‘маленький’, *гурт* ‘деревня, селение’, букв. ‘маленькая деревня’ (ср. *Большой Гозек*); *пицигоз'эг* – *пици* ‘маленький’, *гоз'эг* – др.-удм. личное имя, т. е. ‘маленькая деревня, основанная Гозеком’. Время основания также неизвестно.

Андрюшкино (ст. *Будзимшур*, удм. *починка, ондр'у-шкино*) – древнее поселение, первоначально починок; в наше время – деревня, расположенная при речке Будзимшуре, от гидронима и образовано ее наименование: удм. *будзим* ‘большой’, *шур* ‘река, речка’. Современные названия деревни: оф. *Андрюшкино* и м. *ондр'у-шкино* – образованы от личного имени русского происхождения *Андрюшка* (*Ондрюшка*) < *Андрей* + *-ино* – суффикс. Другое название – *починка* – восходит к русскому апеллятиву *починок*. Время основания неизвестно.

Кульма (удм. *кудма*) – деревня, основанная на реке Кульма, в верхнем ее течении. В справочнике по административно-территориальному устройству Кировской обл. на 1 июня 1998 г. указана дата ее основания – 1866 г. [11. С. 55]. Возможно, она неточная: скорее всего, селение возникло в более раннее время. Известно, что его основали охотники из д. Турья Сизнерской волости, где проживали и сейчас живут удмурты (ныне д. Ст. Турья Балтасинского р-на Республики Татарстан) [16. С. 1]. Ойконим восходит к названию речки *Кульма* (правый приток Кильмези), образованному из двух корней: *куль* – значение неизвестно; возможно, это искаженное от удм. *куд* ‘заболоченное место’, что отразилось в удмуртском наименовании деревни, + *-ма* – топоформант.

Салья (удм. *сал'л'а*) – селение, расположенное на одноименной речке, левом притоке Кульмы. Относительно образования деревни имеются разные толкования. Так, например, в справочнике по административно-территориальному устройству Кировской обл. на 1 июня 1998 г. указывается год основания деревни – 1830 [11. С. 55]. Из «Материалов по статистике Вятской губернии (Малмыжский уезд)» (1885) известно, что в Салье, по сохранившемуся преданию, во время

пугачевских волнений [1773–1775. – Л. К., О. Т.] было 60 дворов, в 1885 г. – уже всего 37 [16. С. 1]. Но не известно, кто его основал. По мнению М. Г. Атаманова, это очень древнее поселение, уже отмеченное в Ландратской переписи 1710–1716 гг. как удмуртская деревня в сотне Бегашки Ямеева на Арской дороге. По предположению ученого, прародину этого воршуда трудно определить, скорее всего, представители рода Салья прибыли на территорию современной Удмуртии с территории нынешнего Кильмезского района Кировской области [3. С. 693]. По нашему мнению, вторая и третья точки зрения ближе к истине, а 1830 год основания деревни – это неточная, намного отодвинутая дата.

Название деревни в данном случае первичное и восходит к удмуртскому воршудно-родовому имени *Салья*, а гидроним – отойконимического происхождения.

В настоящее время все деревни входят в разные сельские округа Кильмезского р-на. Сведения о численности населения и количестве хозяйств см. в таблице 1. В последние годы население уменьшается, особенно это заметно в дд. Андриюшкино, Большой и Малый Гозек, Кульма и Салья. Основной контингент населения составляют люди пожилого возраста, так как молодежь уезжает в поисках работы и учебы. В этом плане лучшее положение у д. Паска – самой большой из рассматриваемых нами населенных пунктов. В ней сохранилась сельская инфраструктура. Это центр сельского округа, здесь расположены сельская администрация, средняя общеобразовательная школа, дом культуры, где активно функционируют два фольклорных ансамбля («Зангари сяська» для взрослых и «Пичи кут» для детей), 3 магазина, медпункт, сельская библиотека, краеведческий музей (при доме культуры). Деревни Большой Гозек, Андриюшкино, Салья и Кульма – небольшие, в них нет никаких учреждений, лишь небольшие магазины, а д. Малый Гозек находится в стадии вымирания: в ней осталось всего три жилых дома. В этих деревнях проживают в основном удмурты, в дд. Паска и Большой Гозек русские составляют совсем небольшой процент населения.

Таблица 1

**Сведения о численности населения и количестве хозяйств по справочнику
«Кировская область: Административно-территориальное устройство
на 1 июня 1998 года»**

Название населенного пункта	Название сельского поселения, куда входит насел. пункт	Численность населения по данным 2010 г. (чел.)	Расстояние до центра района (в км)	Расстояние до центра сельского поселения (в км)	Год образования населенного пункта
д. Андриюшкино	Паскинское	48	31	19	Неизвестно
д. Большой Гозек	Паскинское	60	26,0	6,0	Неизвестно
д. Кульма	Рыбно-Ватажское	76	51	18,0	1866
д. Малый Гозек	Паскинское	32	32,0	12,0	Неизвестно
д. Паска	Паскинское	231	20		Неизвестно
д. Салья	Чернушское	47	40	16,0	1830

Отметим, что жители деревень, особенно Паски, Большого и Малого Гозека, издавна поддерживали хорошие связи с удмуртами, живущими по соседству в Сюмсинском р-не Удмуртии. Кроме того, они контактировали с разными этносами – русскими, марийцами и татарами, живущими в соседних селениях, что, несомненно, отразилось и в языке.

Бассейн Кильмези в диалектном отношении неоднороден. Рассмотрим некоторые фонетические особенности описываемых говоров в сравнении с другими удмуртскими диалектами и литературным языком.

В кильмезских говорах функционируют семь гласных фонем: *а, о, у, и, э, ö, ы*. Все они артикуляционно и акустически не отличаются от соответствующих фонем удмуртского литературного языка.

Фонетические явления в области гласных

В рассматриваемых говорах наблюдаются следующие виды корреспонденции гласных:

ы ~ у: В отличие от литературного языка, в изучаемых говорах в довольно большом количестве слов вместо *у* выступает гласный *ы*: *лымбыт* (А.*) ‘целый день, в течение дня’ – лит. *лумбыт*; *мызон* (С.) ‘другой’ – лит. *музон*; *мыржэжсол* (А., К., П.) ‘подполье’ – лит. *муржэсол*; *пыны* (А., БГ., К., МГ., П., С.) ‘собака’ – лит. *пуны*; *пынэ* (А., БГ., МГ., П., С.) ‘вьет, заплетает’ – лит. *пунэ*; *куныл* (С.) ‘подмышка’ – лит. *кунул*; *ыго* (А., БГ., К., МГ.) ‘ведь’ – лит. *уго* и др. Такое явление характерно для буйско-таныпского говора и бесермянского наречия удмуртского языка [10. С. 68], а также для граховских говоров южноудмуртского наречия [2. С. 48]. В некоторых случаях в описываемых говорах встречается гласный *у*: *зундэс* ‘перстень, кольцо’; *куды* ‘лукошко’; *куно* ‘гость’; *нунал* ‘день’; *пуэд* ‘грипп’ и др.

и ~ ы: В кильмезских говорах в пределах первого слога некоторых слов перед палатальными согласными вместо литературного *ы* выступает гласный *и*: *вил’* (А., БГ., К., МГ., П., С.) ‘новый’ – лит. *выль*; *вил’ис’* (БГ., П.) ‘заново’ – лит. *выльысь*; *киз’и* (БГ.) ‘как’ – лит. *кызьы*; *тис’’* (МГ.) ‘семья’ – лит. *тысь* и др. Отметим, что в рассматриваемых населенных пунктах данный вид междиалектной корреспонденции реализуется неодинаково. Количество слов на *и* в данной позиции в дд. Андриюшкино, Кульма и Салья несколько больше, чем в других селениях: *биз’э* (А., К., С.) ‘бежит’, (К.) ‘выходит замуж’ – лит. *бызе*; *кис’пу* (А., С.) ‘береза’ – лит. *кызьпу*; *пиз’* (А., К., С.) ‘мука’ – лит. *пызь* и др. Это явление встречается также в южной и периферийно-южной диалектных зонах и в части срединных говоров удмуртского языка [9. С. 29–30; 10. С. 65–66].

Во всех рассматриваемых говорах в большинстве двусложных слов на месте конечного *ы* литературного языка встречается гласный *и*: *бирди* (А.) ‘пуговица’ – лит. *бирды*; *гижи* (БГ., К., МГ., П.) ‘ноготь’ – лит. *гижы*; *гэри* (А., П.) ‘соха’ – лит. *гэры*; *зири* (А., БГ., П.) ‘шарнир’ – лит. *зыры*; *зичи* (А., БГ., П., С.) ~ *дз’иц’и* (МГ.) ‘лиса’ – лит. *зичы*; *зүйи* (П.) ~ *жүйи* (А., БГ., П.) ‘мох’ – лит. *жуйы*; *из’и*

* Здесь и далее в скобках заглавными буквами указаны сокращенные названия населенных пунктов, в которых зафиксированы рассматриваемые явления. Полные названия деревень даны в конце статьи.

(К.) ‘шапка’ – лит. *изьы*; *инти* (БГ., МГ., П.) ‘место’ – лит. *инты*; *киси* (БГ.) ‘карман’ – лит. *кисы*; *пучи* (БГ., П.) ‘верба’ – лит. *пучы*; *чипи* (БГ., П., С.) ~ *ципи* (К., МГ.) ‘цыпленок’ – лит. *чипы* и др. Такое явление наблюдается и в конце первого компонента сложных слов, образованных из двух самостоятельных слов: *с'эрипу* (П.) ‘бузина красная’ – лит. *серыпу* и др. В некоторых случаях наблюдается варьирование *ы* ~ *и*: *гижи* (БГ., П.) ~ *гижы* (П., С.) ‘ноготь’; *жуйи* (П.) ~ *жуйи* (А., БГ., П.) ~ *жуйы* (БГ., С.) ‘мох’ и др.

ы ~ и: В речи жителей дд. Паска, Большой и Малый Гозек в небольшом количестве слов на месте *и* литературного языка употребляется *ы*: *бэрыз'* (БГ.) ‘липа’ – лит. *беризь*; *дурынчи* ~ *дурын'чи* (БГ., П.) ~ *дурын'ци* (МГ.) ‘оса’ – лит. *дуринчи*; *зыбиз* (П.) ‘он придавил’ – лит. *зйбиз*; *шыл'и* (П.) ‘пластинка лыка, паласина (в виде ленты для плетения лаптей)’ – лит. *шил'ы*; *ыз'и* (П.) ~ *ыз'ы* (БГ., МГ., П.) ‘шапка’ – лит. *изьы*; *ыз'э* (БГ., МГ., П.) ‘спит’ – лит. *изе* и др. Данный вид корреспонденции выявлен также в некоторых говорах южного и бесермянского наречий удмуртского языка [10. С. 67–68].

ö ~ э: В единичных случаях вместо литературного *э* употребляется гласный *ö*: *өрөкчаз* (П., БГ.) ~ *өрөкч'аз* (МГ.) ‘он обманул’ – лит. *эрөкчаз*; *өнэр* (П.) ‘седло’ – лит. *энер*; *өнэрчак* ~ *өнэрчик* (П.) ‘седелка’ – лит. *энерчак*; *ут шöтты* (К.) ‘ты не найдешь’ – лит. *уд шедьты*; *ук шöттис'кы* (БГ.) ‘я не нахожу’ – лит. *уг шедьтйськы* и др.

о ~ ö: В речи кильмезских удмуртов в определенном количестве слов литературному *ö* соответствует гласный *о*: *вос'карил'л'ам* (А.) ‘сделали больно’ – лит. *вöсь кариллям*; *вос'луис'ко* (МГ.) ‘я чувствую боль’ – лит. *вöсь луисько*; *пос'кы* (МГ., С.) ‘чирей’ – лит. *пöськы*; *пос'тыны* (БГ.) ‘износиться’ – лит. *пöсьтыны* и др. Это явление также характерно и для других говоров, в частности кырык-масских [9. С. 33–34].

В рассматриваемых говорах отмечены также случаи выпадения гласных, чему чаще всего подвергается конечный гласный основы *-ы* глаголов I спряжения перед суффиксами деепричастий, инфинитива и др.: *вытса улэ* (БГ., МГ., П.) ‘лежит’ – лит. *выдыса улэ*; *из'тэк* (БГ.) ‘не спав’ – лит. *изьытэк*; *карса* (БГ.) ‘делая’ – лит. *карыса*; *тубса* (К.) ‘поднявшись’ – лит. *тубыса*; *шуса* (МГ.) ‘сказав’ – лит. *шуыса*; *шымыртса* (А.) ‘сморщив’ – лит. *шымыртыса*; *усаку* (А.) ‘при бороновании’ – лит. *усьяку*; *бин'ны* (А.) ‘замотать’ – лит. *биньыны*; *вис'ны ус'са* (МГ.) ‘заболев’ – лит. *висьыны усьыса*; *вурны* (К.) ‘шить’ – лит. *вурьыны*; *карны* (П.) ‘делать’ – лит. *карыны*; *куны* (К.) ‘прясть’ – лит. *куыны*; *потны* (БГ.) ‘выходить’ – лит. *потыны*; *чэрсны* (А., БГ.) ‘прясть’ – лит. *чэрсыны* и др. Данное явление характерно, в первую очередь, для срединных говоров [10. С. 62], но встречается и в среднечепецком диалекте [8. С. 59].

В речи кильмезских удмуртов в отдельных словах наблюдается выпадение гласных *и*, *э*, *у*: *гнэ* (БГ., МГ.) ‘только, лишь’ – лит. *гинэ*; *сэбрэ* ~ *сöбрэ* (БГ.) ‘потом’ – лит. *собере*; *табрэ* (БГ.) ‘теперь’ – лит. *табере*; *крокчог* ~ *крокчог* (А., П.) ‘шкворень’ – лит. *курокчог* и др.

В некоторых случаях в сложных словах, образованных из двух самостоятельных слов, выпадает начальный слог последующего слова: *жöккиэт* (БГ.) ‘скатерть’ – лит. *жöккышет*; *кöтулскон* (БГ.) ‘подбрюшник’ – лит. *кöтулкыскон*;

сэрэ (К., МГ., П.) ‘потом’ – лит. *собере* и др. Но отметим, что вышеуказанные категории слов могут выступать и в полной форме.

В изучаемых говорах встречаются случаи вставки гласных для устранения нетипичных для удмуртского языка сочетаний нескольких согласных в начале слова: *искал* (БГ., МГ., П.) ‘корова’ – лит. *скал*; *кулуб* (БГ.) ‘клуб’ – лит. *клуб*; *ыштан* (А.) ‘штаны’ – лит. *штан* ~ *штани* и др.

В говорах кильмезских удмуртов отмечено несколько случаев с явлением ассимиляции в области гласных: *жопу* ~ *жэопу* (БГ.) ‘дымовое окно (в бане), дымоволок *уст.*’ – лит. *жэопы*; *пэл’угу* (А.) ‘серьга, серьги’ – лит. *пельугы*; *сусупу* (БГ., К., П., С.) ~ *сысыпу* (МГ.) ‘можевельник’ – лит. *сусыпу*; *чулко* (А., БГ., П.) ‘чулки’ – лит. *чулка* и др. Ассимиляция гласных может происходить иногда перед суффиксами деепричастий: *кууку* (К.) ‘во время ткачества’ – лит. *куыку*; *сэстуку* ‘во время трепания (льна)’ – лит. *сэстыку*; *чэрсуку* (БГ.) ‘во время прядения’ – лит. *черсыку*; *шуккуку* (БГ., К.) ‘во время забивания’ – лит. *шуккыку* и др. В ходе исследования выявлено несколько слов, в которых под влиянием конечного гласного основы происходят изменения гласных в суффиксах множественного числа именительного падежа имен существительных: *кол’осаас* (БГ.) ‘колеса’ – лит. *колёсаас*; *коркаас* (С.) ‘дома’ – лит. *коркаас* и др.

Фонетические явления в области согласных

В кильмезских говорах функционируют 32 согласных фонем, а именно: *б, в, з, д, д’, ж, жэ, з, з’ (з’), э, й, к, л, л’, м, н, н’, ъ, п, р, с, с’ (с’), т, т’, ү, ф, х, ц, ч, ч’, ш, щ.*

Согласные *ф, х, щ* в абсолютном большинстве случаев встречаются лишь в словах, заимствованных из русского языка: *кофта* (БГ.) < рус. *кофта*; *кошофка* (П.) < рус. *кошевка*; *лифчик* (А.) < рус. *лифчик*; *фс’о* (П.) < рус. *всё*; *шифэр* (БГ.) < рус. *шифер*; *двухсэкцио·нной* (П.) < рус. *двухсекционный*; *кухн’а* (П.) < рус. *кухня*; *плац* (П.) < рус. *плац* и др. Фонема *х* при заимствовании в говорах удмуртского языка часто заменяется на *к*: *колхоз* (БГ.) < рус. *колхоз*; *кукн’а* (А.) < рус. *кухня*; *прикожой* (А.) < рус. *прихожая*; *укват* (БГ.) < рус. *ухват* и др.

Фонема *ц*, кроме случаев заимствования из русского языка, встречается и в исконных формах: *вакци* (К., МГ.) ‘короткий’ – лит. *вакчи*; *корка урцицы* (А., МГ.) ‘на боковой стороне дома’ – лит. *корка урдсын*; *кыцицы* (К., МГ.) ‘куда’ – лит. *кытчы*; *куццаку* (БГ.) ‘во время молотбы’ – лит. *кутсаку*; *оццы* (МГ., П.) ‘туда’ – лит. *отчы* и др., что наблюдается во многих удмуртских говорах.

Заднеязычный носовой согласный *ŋ* употребляется только в речи людей старшего поколения и встречается в следующих случаях: а) в середине слова в интервокальном положении: *аŋа* (БГ., МГ.) ‘полоса (пахотной земли)’ – лит. *ана*; *аŋыз* (С.) ‘его челюсть’ – лит. *аныз*; *жэсыŋы* (А., БГ., МГ.) ‘половина’ – лит. *жэсыны*; *йаŋак* (А.) ‘косяк’ – лит. *янак*; *сиŋыс* (К.) ~ *сыŋыс* (МГ.) ‘нитка’ – лит. *сйньыс*; *чаŋа* (МГ.) ‘галка’ – лит. *чана* и др.; б) в конце слова: *аŋ* (БГ., МГ., П., С.) ‘челюсть’ – лит. *ан*; *баŋ* (К.) ‘щека’ – лит. *бам*; *зыŋ* (МГ.) ‘запах’ – лит. *зын*; *пуŋ* (БГ.) ‘конец’ – лит. *пум* и др.; в) в середине слова между гласным и согласным: *аŋгэс* (МГ.) ‘подбородок’ – лит. *ангес* и др. В настоящее время продолжается процесс постепенного вытеснения *ŋ* другими носовыми согласными (*м, н, н’*),

начавшийся еще в прапермский период. Согласный *ŋ* локализован в основном в южном наречии, также он встречается в отдельных срединных говорах и бесермянском наречии, хотя частотность не во всех диалектах одинакова [10. С. 81–83].

В дд. Кульма и Салья, частично в д. Андрюшкино, первоначальный *л* заменяется неслоговым *ў* в следующих позициях: а) в середине слова между гласными: *каўык* (К.) ‘народ’ – лит. *калык*; *кыўи* (С.) ‘слышал’ – лит. *кыли*; *куўэм* (К.) ‘он умер’ – лит. *кулэм*; *ныўы* (К.) ‘моя дочь’ – лит. *нылы*; *поттыўо* (А.) ‘выносят’ – лит. *поттыло*; *тоўон* (К., С.) ‘вчера’ – лит. *толон*; *уўэ* (А., С.) ‘живет’ – лит. *улэ* и др.; б) в середине слова между предшествующим гласным и последующим согласным: *выж выўти* (С.) ‘по полу’ – лит. *выж вылтй*; *кыўзи* (А., С.) ‘я слушал’ – лит. *кылзй*; *нуўлэ* (С.) ‘носит’ – лит. *нуллэ* и др.; в) в конце слова: *ваў* (К., С.) ‘было’ – лит. *вал*; *кыў* (К., С.) ‘язык’ – лит. *кыл*; *өвөў* (К.) ‘нет’ – лит. *өвөл*; *скаў* (С.) ‘корова’ – лит. *скал*; *төў* (К., С.) ‘ветер’ – лит. *төл* и др. Территориально варьирование *л ~ ў* распространено в срединных говорах, части южного и периферийно-южного диалекта [10. С. 99; 17. С. 137]. Фонема *л*, находящаяся в интервокальном положении, часто подвергается полному выпадению: *вандыис'ко* (А.) ‘я режу’ – лит. *вандыльйско*; *гурэз' уын* (А.) ‘под горой’ – лит. *гурезь улын*; *кутао* (А., К., С.) ‘плетут лапти’ – лит. *кутало*; *ныын пи* (А., К., С.) ‘мальчик с девочкой’ – лит. *нылын пи*; *ошыыса* (К.) ‘вешая’ – лит. *ошылыса*; *пурты выэ* (А., С.) ‘на котел’ – лит. *пурты вылэ*; *пыртыыса* (А., С.) ‘заноса’ – лит. *пыртылыса*; *соэн* (А., К., С.) ‘его’ – лит. *солэн*; *туысэн* (А., К., С.) ‘весной’ – лит. *тулысэн* и др. Такое явление отмечено и в граховских говорах южного наречия, и в средневожских говорах удмуртского языка [2. С. 49; 5. С. 9].

В рассматриваемых говорах выявлены некоторые особенности в употреблении аффрикат. Их дистрибуция очень неоднородна.

В речи жителей дд. Большой Гозег и Паска используется анлаутная аффриката *ǰс*, но в некоторых случаях она заместилась палатальной аффрикатой *ǰэ*. В данных говорах отмечено параллельное употребление форм как с *ǰс*, так и с *ǰэ*: *ǰокыт ~ ǰсокыт* ‘душно’ – лит. *ǰсокыт*; *ǰоыт ~ ǰсоыт* ‘сумрачно’ – лит. *ǰсоыт*; *ǰок ~ ǰсөк* ‘стол’ – лит. *ǰсөк*; *ǰуа ~ ǰсуа* ‘горит’ – лит. *ǰсуа*; *ǰужыт ~ ǰсужыт* ‘высокий’ – лит. *ǰсужыт*; *ǰук ~ ǰсук* ‘каша’ – лит. *ǰсук*; *ǰуитэ ~ ǰсуитэ* ‘стонет’ – лит. *ǰсуитэ*; *ǰыт ~ ǰсыт* ‘вечер’ – лит. *ǰсыт* и др. Переход твердой аффрикаты *ǰс* в мягкую *ǰэ* известен и в красноуфимском, и в некоторых говорах бесермянского наречия [10. С. 89]. В других описываемых говорах употребление аффрикаты *ǰс* в начале слова аналогично литературному языку.

В говорах дд. Андрюшкино и Большой Гозек аффриката *ǰс* сохранилась и в инлауте, в д. Малый Гозек – в ауслатной позиции, тогда как в литературном языке и большинстве других говоров она заменилась щелевым согласным *ж*: *маǰэс* (А.) ‘грабли’ – лит. *мажес*; *уǰсай* (БГ.) ‘я работал’ – лит. *ужай*; *вайыǰс* (МГ.) ‘оглобля’ – лит. *вайыж*; *кырыǰс* (МГ.) ‘кривой’ – лит. *кырыж* и др. Данное явление чаще встречается в срединных говорах удмуртского языка [4. С. 18; 5. С. 11].

В дд. Андрюшкино, Большой Гозек, Паска и Салья анлаутная аффриката *ǰэ* употребляется так же, как и в литературном языке. В д. Кульма в начале слова она заместилась палатальным смычным *д'* или звукосочетанием *дз*: *дзуц* (К.) ‘рус-

ский' – лит. *жуч*; *д'оз* (К.) 'кузнечик' – лит. *жоз* и др. В д. Малый Гозек аффриката *ž* в анлаутной, инлаутной и аусллаутной позициях переходит в *дз'*: *дз'иц'и* 'лиса' – лит. *жичы*; *дз'оз* 'кузнечик' – лит. *жоз*; *дз'уц'* 'русский' – лит. *жуч*; *дз'эц'* 'хороший' – лит. *жеч*; *дз'эц'ыратэ* 'он качает' – лит. *жечыратэ*; *бадз'ым* 'большой' – лит. *бадз'ым*; *кырды'а* 'он поет' – лит. *кырзэ*; *огадз'ын* 'вместе' – лит. *огаз'ын*; *ынадз'э* 'днем' – лит. *нуназе*; *гурэдз'* 'гора' – лит. *гурезь*; *эмэдз'* 'малина' – лит. *эмезь* и др. Это явление отмечено и в нижнечепецких говорах северноудмуртского наречия [18. С. 159].

В речи жителей дд. Большой Гозек и Андриюшкино аффриката *ž* встречается и в инлаутной позиции, тогда как в литературном языке и большинстве других говоров она заместилась щелевым согласным *з'*: *жытазэ* (БГ.) 'вечером' – лит. *жытазе*; *кизны* (БГ.) – лит. *кизныны*; *озы* (БГ.) 'так' – лит. *озыы* и др. Данное явление чаще встречается в срединных говорах удмуртского языка [4. С. 18; 5. С. 11].

В изучаемых говорах аффриката *č* употребляется во всех позициях слова. В речи жителей дд. Андриюшкино, Большой Гозек и Паска наблюдается варьирование звуков *č ~ ч*: *кучо ~ куčо* 'пестрый' – лит. *куčо*; *пыч ~ пыč* 'блоха' – лит. *пыč*; *учыскал ~ уčыскал* 'гуж (хомута)' – лит. *уčыскал*; *чог ~ čог* 'кол, колышек' – лит. *čог*; *чукна ~ čукна* 'утро' – лит. *čукна*; *чуж ~ čуж* 'желтый' – лит. *čуж*; *чыжиз ~ čыжиз* 'он пнул' – лит. *čыжиз*; *чын ~ čын* 'дым' – лит. *čын* и др. В дд. Кульма, Малый Гозек и Салья аффриката *č* в начале слова аналогична литературному употреблению. Явление перехода ин- и аусллаутной согласной *č* в *ч* наблюдается в красноуфимском и бавлинском говорах удмуртского языка, в буйско-таныпском – *č ~ ч*. Анлаутная *č* заместилась палатальной аффрикатой *ч* в красноуфимском и отдельных бесермянских говорах, в позиции перед *-Ги(-) / -Гж(-)* в татышлинском и спорадически в кукморском говорах удмуртского языка [10. С. 88–89].

В обследованных деревнях в ряде слов в инлауте в интервокальном положении или перед согласным *к* древняя аффриката *č* чаще всего сохраняется, тогда как в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке она деаффрикатизируется и заменяется фрикативным *ш*: *ваčкала* (А., К., МГ.) 'древний, старинный' – лит. *вашкала*; *выčкы* (А., БГ., К., МГ., П., С.) 'кадка' – лит. *вышкы*; *иčкыны* (А., МГ.) ~ *ыčкыны* (К.) 'дергать, рвать' – лит. *ишкыны*; *пуčкын* (МГ.) 'внутри (чего-либо)' – лит. *пушкын*; *čоčэн* (БГ., МГ.) 'вдвоем' – лит. *чошен* 'вместе'; *čуčкон* (К.) 'полотенце' – лит. *чушкон*; *čуčылиз* (БГ., МГ.) 'он вытер' – лит. *чушылйз* и др.

В речи жителей д. Кульма аффриката *ч* во всех позициях слова переходит в *ц*: *вакци* 'короткий' – лит. *вакчи*; *дуринци* 'оса' – лит. *дуринчи*; *кэц* 'заяц' – лит. *кеч*; *пацкатэм* 'он придавил, задавил' – лит. *пачкатэм*; *пици* 'маленький' – лит. *пичи*; *уцкыса* 'глядя' – лит. *учкыса*; *ципи* 'цыпленок' – лит. *чипы*; *цэрк* 'церковь' – лит. *черк*; *шөкыц* 'шершень' – лит. *шекыч* и др. В д. Малый Гозек аффриката *ч* очень близка к русской диалектной мягкой аффрикате *ц'*: *биц'ас'ко* 'я собираю' – лит. *бичасько*; *бэц'э* 'бочка' – лит. *бекче*; *дз'эц'* 'хороший' – лит. *жеч*; *кэц'* 'заяц' – лит. *кеч*; *өрөкц'аз* 'он обманул' – лит. *эрекчаз*; *уц'кэ* 'он смотрит' – лит. *учке*; *ц'ал'ак* 'быстро' – лит. *чалык*; *ц'ыртыйэ* 'моя шея' – лит. *чыртые*; *энэриц'ак* 'седелка' – лит. *энерчак* и др. Данное явление характерно для нижнечепецких

говоров удмуртского языка [10. С. 48; 18. С. 160]. Во всех других обследованных говорах данная аффриката употребляется аналогично литературному языку.

В д. Малый Гозек, в отличие от других описываемых населенных пунктов, палатальные щелевые общеудмуртские согласные *з'* и *с'* имеют палатализованное (свистящее) произношение (*з''*, *с''*): *виз''мо* 'умный' – лит. *визьмо*; *воз''* 'луг' – лит. *возь*; *кэз''ыт* 'холодный' – лит. *кезьыт*; *оз''ы* 'так' – лит. *озьы*; *сиз''ыл* 'осень' – лит. *сйзьыл*; *мыныс''* 'идуший' – лит. *мынйсь*; *лэс''тысал* 'я сделал бы' – лит. *лэсьтысал*; *с''ин* 'глаз; глаза' – лит. *син*; *укс''о* 'деньги' – лит. *уксё* и др. Это явление нерегулярно наблюдается и в д. Салья: *с''ин* 'глаз, глаза' – лит. *син*, *гурэз''* 'гора', но: *тус'ты* 'тарелка' – лит. *тусьты*; *биз'э* 'бежит; выходит замуж' – лит. *бызе* и др.

Широко распространены явления ассимиляции. К их числу относится ассимиляция согласного *й* суффиксального слога или внутри корня заимствованных слов предшествующими согласными *д*, *д'*, *з'*, *л*, *л'*, *н*, *н'*, *с'*, *т*, *т'*, при этом твердые из указанных согласных получают смягчение: *корэн'носыз* (БГ.) (< *корэн'йосыз*) 'корни'; *ныл'л'ос* (БГ., К.) (< *нылйос*) 'девушки'; *пинал'л'ос* (БГ., С.) (< *пиналйос*) 'дети'; *пыд'д'осы* (С.) (< *пыдйосы*) 'мои ноги'; *сал'л'а* (К., С.) (< рус. *сал'я*) 'Салья'; *уг лэз'з'ало вал* (П.) (< *уг лэз'йало вал*) 'не отпускали'; *удмурт'т'а* (БГ.) (< рус. *удмурт'ийа*) 'Удмуртия'; *удмурт'т'ос* (А.) (< *удмуртйос*) 'удмурты' и др.

В описываемых говорах, как и в удмуртском литературном языке и большинстве диалектов, в сочетаниях *-дэ-* и *-тч-* происходит полная регрессивная ассимиляция по месту и способу образования (*-дэ-* > *-дэ-*, *-тч-* > *-ч-*): *бадзэым* 'большой' – лит. *бадзэым*; *лыдзэыны* 'читать' – лит. *лыдзэыны*; *с'арччы* 'репа' – лит. *сартчы*; *уччаны* 'искать; разыскивать' – лит. *утчаны* и др. Данное явление не характерно для дд. Кульма и Малый Гозек, где эти же сочетания имеют другое произношение (*-дэ-* > *-дэ-*, *-дэ-*, *-тч-* < *-ц-*): *адзэ* ~ *адз'э* 'он видит' – лит. *адзэ*; *бадзын* ~ *бадз'ым* 'большой' – лит. *бадзэым*; *кудзэмын* ~ *кудз'эмын* 'пьяный' – лит. *кудзэмын*; *лыдзэ* ~ *лыдз'э* 'он читает' – лит. *лыдзэ*; *кыццы* 'куда' – лит. *кытчы*; *куруциз* 'он укусил' – лит. *куртчиз*; *оццы* 'туда' – лит. *отчы*; *уцца* 'он ищет' – лит. *утча* и др.

В говорах дд. Кульма и Салья анлаутный *й-* регулярно заместился согласным *д'*: *д'огу* (К.) 'ледник; погреб' – лит. *йöгу*; *д'öу* (К., С.) 'молоко' – лит. *йöл*; *д'эз* (К.) 'провода' – лит. *ез*; *д'уас'коды* (С.) 'вы спрашиваете' – лит. *юаськоды*; *д'уиды* (К.) 'вы выпили' – лит. *юиды*; *д'уон* (К.) 'питье' – лит. *юон*; *д'ыры* (С.) 'моя голова' – лит. *йыры* и др., что характерно для периферийно-южных говоров удмуртского языка [10. С. 95]. Отметим, что данное явление не распространяется на поздние русские заимствования: *йаблок* (К., С.) < рус. *яблоко*; *йад* (К., С.) < рус. *яд* и др.

В ряде слов, главным образом, в речи пожилых людей д. Большой Гозек, частично в дд. Андрушкино и Кульма, выявлено нерегулярное губно-губное произношение общеудмуртского губно-зубного *в*: *байны* ~ *вайны* 'принести, приносить' – лит. *вайыны*; *бал'ок* ~ *вал'ок* 'валек' – лит. *валёк*; *бина* ~ *вина* 'вино' – лит. *вина*; *бэс'* ~ *вэс'* 'всегда' – лит. *весь*; *бал* ~ *вал* 'было' – лит. *вал*; *набой* ~ *навой* 'навой' – лит. *навой*; *öböу* ~ *öвöу* (К.) 'нет' – лит. *övöl* и др. Это явление отмечено в красноуфимском, бесермянских, а также среднеюжных говорах удмуртского языка [1. С. 5; 14. С. 94; 19. С. 162].

Таким образом, на основе вышеприведенного анализа можно заключить, что у говоров кильмезских удмуртов Кировской обл. довольно много общих черт в вокализме и консонантизме. Но, наряду с этим, отмечено и значительное количество фонетических различий, в определенной степени связанных с историей заселения этой территории. Наиболее существенные расхождения выявлены в области дистрибуции согласных. Характерные особенности описываемых говоров сочетают в себе черты, свойственные в большей степени срединным, бесермянским, южным и периферийно-южным говорам удмуртского языка.

Схематическая карта Кильмезского р-на Кировской обл.

СОКРАЩЕНИЯ

Названия населенных пунктов: А. – д. Андриюшкино; БГ. – д. Большой Гозек; К. – д. Кульма; МГ. – д. Малый Гозек; П. – д. Паска; С. – д. Салья.

Прочие сокращения: д. – деревня; др.-удм. – древнеудмуртское название; м. – местное название; оф. – официальное название; р. – река; рч. – речка; рус. – русский язык; совр. – современный; ст. – старое название; удм. – удмуртский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Архипов Г. А.* Среднеуринский говор I // *Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи.* Ижевск, 1981. С. 5–44.
2. *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // *Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР.* Ижевск, 1981. С. 45–96.
3. *Атаманов М. Г.* Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвыльёсысь интынимъёслэсь пуштросэс эскерись кыллюкам. Ижевск, 2015. 976 с.
4. *Белова Е. Б.* Функционирование удмуртских аффрикат. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 48 с.
5. *Бушмакин С. К.* Артикуляция и употребление некоторых согласных в средневосточных говорах удмуртского языка // *Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов.* Ижевск, 1977. С. 9–17.
6. *Жуйков С. П.* Диалектологическая карта удмуртского языка. Свердловск, 1935.
7. История района // <http://kilmezadm.ru/istoriya-rajona/> (дата обращения 30.03.2016).
8. *Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 223 с. (= *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis* 2).
9. *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // *Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. ст. и материалов.* Ижевск, 1977. С. 26–61.
10. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
11. Кировская область: Административно-территориальное устройство на 1 июня 1998 года. Киров, 1998. 352 с.
12. *Майшев И.* Диалектологическая карта удмуртского языка УАССР, составленная С. П. Жуйковым // *Зап. УдНИИ.* Ижевск, 1941. Вып. 10: Вопросы языка, литературы и фольклора. С. 126–127.
13. *Материалы лингвистической экспедиции института, 1936 г. РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, оп. 2-Н, дд. 223, 224, 225, 226, 344, 345.*
14. *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // *О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: (Сб. ст. и материалов).* Ижевск, 1978. С. 86–151.
15. *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. I. Науч. изд. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.
16. Приложеніе к Матеріаламъ по статистикѣ Вятской губерніи. Т. I: Малмыжскій уѣздъ. Ч. I: Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Приложенія. Вятка, 1885. 115 с.
17. *Тараканов И. В.* К вопросу истории и развития неслогового *у* в удмуртском языке // *Тараканов И. В.* Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 137–146.
18. *Тепляшина Т. И.* Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия // *Записки / УдНИИ при Сов. Мин. Удм. АССР.* Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156–196.
19. *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

Поступила в редакцию 10.06.2016

L. E. Kirillova, O. V. Titova

Phonetic Features in the Speech of Kilmez Udmurts Living in Kirov Oblast

The paper describes the phonetic system of unexplored Udmurt subdialects spoken in Kilmez region of Kirov Oblast. They are compared to other dialects and the Udmurt standard language. The analysis is based on the material collected by the authors during field research in six villages of the dialect area. In dialect respect the Kilmez River basin is heterogeneous. The research highlights characteristic features of these subdialects, their vowel and consonant systems, and the most typical sound phenomena and processes. The study has identified some cases of vowel correspondence, sound dropping and insertion, assimilation of vowels and consonants, sound varying patterns, affrication and deaffrication. Particular attention is paid to the features of using affricates, as their distribution in the analyzed subdialects is very heterogeneous. The article also describes some specific phonemes, which are not used in the Udmurt standard language, and conditions when they are used. The most significant differences are revealed in the distribution of consonants. The data analysis shows that the described subdialects have features mostly typical of the Middle, Besermyan, Southern and Peripheral-Southern subdialects of the Udmurt language. It is connected with the history of the settlement of this territory.

Keywords: Udmurt language, dialectology, phonetic features, vocalism, consonantism, Kilmez subdialects.

Кириллова Людмила Евгеньевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: kirlud@rambler.ru

Титова Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ovtitova@rambler.ru

Kirillova Lyudmila Evgenievna,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: kirlud@rambler.ru

Titova Olga Vladimirovna,

Candidate of Sciences (Philology), Junior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: ovtitova@rambler.ru